

Этот новорожденный зверёк неведомой породы питал живейший интерес ко всему вокруг.

И хотя говорить по-человечески он ещё не умел, это ничуть не мешало ему выражать свои чувства.

Похоже, он всем сердцем привязался к Чжоу Иню, которого увидел первым делом, едва выбравшись из скорлупы. Целыми днями он крутился у его ног, безостановочно попискивая, спать укладывался непременно бок о бок, а уж при свете дня не отходил ни на шаг.

Обитатели поместья Цзи то и дело наблюдали забавную картину: на плече вечно невозмутимого Чжоу Иня восседал серый пушистый комочек. Смотрелось это уморительно, но из-за давящей ауры юноши никто не смел рассмеяться ему в лицо. Сам малютка, к слову, считал, что на макушке Чжоу Иня устраиваться куда удобнее, но, здраво рассудив, что забраться туда слишком сложно, согласился на меньшее.

На самом деле Чжоу Инь и сам чувствовал себя не в своей тарелке. Этот подкидыш принёс с собой кучу хлопот.

Первым делом нужно было решить вопрос с именем. Раз уж зверёк вылупился, звать его «яйцом магического зверя» больше не имело смысла. Глядя на детёныша, который преданно смотрел на него круглыми, полными надежды глазами, Чжоу Инь с совершенно каменным лицом произнёс:

— Маоюань. Фамилия — Мао, имя — Юань. Всё просто и понятно: круглый и пушистый.

Детёныш замер. В его влажных глазах блеснули слёзы, и он жалобно заверещал, всем своим видом выражая решительный протест.

— Серопух, — предложил Чжоу Инь.

Зверёк уставился на него с немым укором.

— Маочжи.

— Пи-пи-пи! — раздался громкий возмущённый писк.

— Серый, Маотуань, Пепельное Яйцо.

Не выдержав издевательств, кроха залез под одеяло и накрылся с головой, решив, что с него довольно. Адеяло вздыбилось забавным круглым бугорком.

Подобное кокетство ничуть не тронуло Чжоу Иня. Он бесцеремонно выудил беглеца наружу.

Малыш жалобно запищал и принялся тереться мордочкой о пальцы хозяина, надеясь вымолить хотя бы слабую улыбку. Этот трюк безотказно работал на всех обитателях усадьбы Цзи, но у Чжоу Иня против этой милоты был абсолютный иммунитет.

— Не нравится — придумывай сам. А не можешь, останешься Маоюанем. Решено.

Бедняге ничего не оставалось делать. Он заворочался, кубарем скатился с кровати и благодаря густому подшёрстку ничуть не ушибся — лишь мягко перекатился по полу. Преодолев долгий путь до порога, зверёк принялся клевать облупившуюся краску на косяке, отчаянно хлопая крылышками.

Чжоу Инь безучастно наблюдал за этим представлением.

— Клевать краску?.. Грызть косяк?.. Может, звать тебя Облупленным?

Пушистый комок окончательно пал духом. Он распластался на пороге, свесив голову и всем своим видом показывая смирение перед неизбежным.

В глубине глаз Чжоу Иня промелькнула едва заметная тёплая искорка.

— Пусть твоим именем будет Чжоу Чэнь, — спокойно произнёс он. — «Чэнь» указывает на восток-юго-восток, где я нашёл твоё яйцо. В земных ветвях этот знак соответствует дракону, а также символизирует звёздный небосвод. Кем бы ты ни вырос в будущем, такое имя не посрамит твоего происхождения.

Глаза пушистика мгновенно засияли. Радостно хлопая крылышками, он рванулся вперёд, намереваясь прыгнуть хозяину прямо за пазуху, но Чжоу Инь хладнокровно перехватил его двумя пальцами за шкурку и отставил в сторону.

— Грязнуля. Пока не искупаешься, близко ко мне не подходи.

Сладкий миг триумфа тут же сменился горой обид. Малыш захлопал мокрыми глазами, чувствуя, как его хрупкое сердечко разбивается на мелкие осколки.

Второй проблемой стало пропитание.

Достигнув начальной стадии Возведения Основания, Чжоу Инь вполне мог бы полностью перейти на пилюли отказа от пищи и забыть о мирской еде. Но, хотя он медитировал даже во сне, лишать себя простых земных радостей юноша не спешил. Слуги в усадьбе исправно накрывали ему стол трижды в день, и он никогда не отказывался от обедов.

С Чжоу Чэнем же всё обстояло иначе. Пока он рос в скорлупе, ему хватало чистой духовной энергии, но после появления на свет зверёк отчаянно нуждался в осязаемой пище. Чжоу Инь так и не разгадал его родословную, а потому не представлял, какой рацион необходим такому существу. Он решил не усложнять себе жизнь и просто брал пушистика с собой за стол: пусть выбирает сам. По сути, воспитание строилось на полном самотёке.

Чжоу Чэнь проявлял живейший интерес ко всей человеческой еде, а особенно к тому, что отправлял в рот его хозяин. Стоило Чжоу Иню протянуть палочки к какому-нибудь блюду, как зверёк тут же замирал с открытым ртом, вымаливая кусочек на пробу.

Со временем сообразительный комок шерсти проторил дорожку прямиком на кухню.

Благодаря недюжинному уму и умению строить умильные глазки он быстро очаровал всех домашних. Повара и слуги при виде пушистого гостя расплывались в улыбках и всегда откладывали для него лакомый кусочек из тех яств, что ещё не успели подать к господскому столу. Вскоре сытая жизнь принесла свои плоды: серый пух залоснился и приобрёл благородный блеск, а сам зверёк, прежде легко умещавшийся в ладони, заметно округлился и раздобрел.

Третьим вопросом на повестке дня стояло обучение и развитие.

Путь высокоранговых духовных зверей с самого рождения коренным образом отличается от доли обычного зверья. Они не только способны со временем принимать человеческий облик, но и наделены врождённым талантом к совершенствованию и духовными корнями. Приняв облик человека, такой зверь может продолжить свой путь уже в качестве полноценного демона-совершенствующегося — яосю.

В их жилах течёт древняя кровь первородных божеств, что дарует им уникальные преимущества. На пути постижения Дао такие существа способны достичь невероятных высот, недоступных простым смертным. Однако за всё приходится платить: продолжение рода для высших зверей превратилось в сущее наказание. Чем более редким и могущественным является вид, тем тоньше его кровная линия и тем сложнее дать потомство.

В нынешние времена на континенте Первозданного Начала высокоранговые звери и яосю стали величайшей редкостью. Прежняя слава угасла: многие древние роды оказались запечатаны, другие предпочли навсегда затеряться в глухих чащах и скрыться от людских глаз. Но главной причиной их исчезновения оставались трудности с продолжением рода. Те редкие яосю, что изредка являлись миру, обладали силой не ниже стадии Зарождения Души. Ни один безумец в здравом уме не рискнул бы нажить себе такого врага, а уж мысли о том, чтобы сделать могущественное существо домашней игрушкой, и вовсе ни у кого не возникало.

То, что Чжоу Чэнь принадлежал к высшей породе, не вызывало никаких сомнений. Само его появление сопровождалось грозными знаменами, а исключительный ум, проявленный с первых дней жизни, не шёл ни в какое сравнение с повадками примитивных тварей. Но здесь крылась загвоздка: Чжоу Инь не мог определить, к какому именно семейству относится его

питомец. Никакие грозные сородичи не спешили заявлять на него права, а значит, и проверенных веками методов воспитания взять было неоткуда.

В конце концов Чжоу Инь решил воспитывать его по человеческому образцу. Чтобы в будущем разбираться в трактатах о самосовершенствовании, зверёнышу требовалось освоить грамоту. Обучение решено было начать со старого доброго «Тысячесловия».

— «Небо темно, земля желта; хаос царил в преддверии времён»... Повторяй за мной.

— Пи-пи-пи-пи, пи-пи-пи-пи!

— «Солнце всходит и заходит, созвездия занимают свои места». Видишь этот знак? Это «Чэнь» — из твоего имени, означающее созвездие.

— Пи-пи!

Чжоу Инь никогда не отличался кротким нравом. Даже на пике своего бывшего могущества он наотрез отказывался брать учеников. Сейчас его терпение стремительно таяло. Слегка потерев пальцами виски, чтобы унять запульсировавшую там вену, он заставил себя продолжить максимально ровным голосом:

— Чжоу Инь. Это моё имя. «Инь» означает печать, верность слову. То, что запечатлено на бумаге, не вырубишь топором, это нерушимое обещание, которое стоит тысячи золотых.

Он взял кисть и вывел на бумаге два иероглифа: «Инь» и «Чжан». Мазки ложились уверенно и размашисто, словно высеченные на камне, чернила глубоко пропитывали плотный лист.

— У меня есть старший брат, его имя содержит второй знак — Чжоу Чжан.

Чжоу Инь оторвал взгляд от каллиграфии и посмотрел на пристроившегося рядом ученика.

Юноша замолчал.

Пушистая голова мирно покоилась на крохотном крылышке, а круглое тельце мерно вздымалось во сне. Глазки плотно закрылись и совсем затерялись в густом сером пуху, а изо рта на бесценный свиток лениво капала слюна.

За окном буйно цвели яблони, усыпав ветви алыми, как румяна, соцветиями. Лёгкий весенний ветерок колыбал лепестки, являя взору картину тихой, умиротворяющей красоты.

Вышла прелестная картина: пушистый комочек сладко спит среди нежно-розовых цветов.

В эту секунду в голове Чжоу Иня со звоном лопнула последняя струна терпения.

— А ну марш на улицу и подумай над своим поведением! Пока не заговоришь по-человечески, о еде можешь даже не мечтать!

Проходившие мимо флигеля слуги вздрогнули от глухого стука. В следующую секунду на ветвях цветущей яблони появился новый обитатель.

Круглое тельце Чжоу Чэня прочно застряло в развилке ветвей. Свесив лапки, он обиженно взирал сверху вниз на задравшего голову слугу. Они молча уставились друг на друга.

Прыснув от смеха, слуга поспешно зажал рот ладонью и засеменил прочь. Судя по дрожащим плечам, сдерживать весёлость ему удавалось с огромным трудом.

За те немногие дни, что Чжоу Инь провел в усадьбе Цзи, его авторитет сделался непререкаемым. Высокое положение, пугающая аура и надежды госпожи Цао на то, что юноша сможет вызволить из плена главу семейства Цзи Жуна, заставляли слуг беспрекословно ему подчиняться. Никто не осмеливался перечить суровому гостю и заступаться за наказанного зверька.

Хотя пушистый... то есть Чжоу Чэнь, выглядел в этот момент на редкость жалко.

Спустя полторы недели в усадьбу наконец доставили приглашение. На плотной бумаге красовалось имя Юй Но: северный управляющий звал Чжоу Иня в лагерь Армии Покорения Юга для важного разговора.

Спрятав письмо в рукав и переговорив с госпожой Цао, Чжоу Инь забрал своего притихшего питомца и покинул поместье вместе с гонцом.

Проводником вызвался офицер по имени Лу Да. В чине офицера он состоял при ставке самого главнокомандующего Хуэй Цзюня и пользовался его неизменным доверием. Ему было отлично известно, что при штабе катастрофически не хватает заклинателей, способных отразить внезапные ночные покушения вражеских лазутчиков, и потому Чжоу Иня следовало ублажать всеми силами. Тем не менее в душе Лу Да зрел негласный протест. Всю дорогу он то и дело заводил разговоры о тонкостях самосовершенствования, пытаясь прощупать почву.

Заметив, что Чжоу Инь преспокойно едет верхом в седле, вместо того чтобы парить на мече или мчаться по воздуху подобно великим бессмертным мастерам, офицер окончательно проникся к нему пренебрежением.

Разумеется, Чжоу Инь прекрасно видел это бахвальство, но снисходить до обид не собирался. Его лицо оставалось бесстрастным ледяным щитом. На десяток наводящих вопросов он в лучшем случае цедил сквозь зубы одно-два слова, а когда говорить надоедало, и вовсе умолкал.

Подобное высокомерие бесило Лу Да до скрежета зубного, но поделать он ничего не мог.

— Господин Юй не раз расхваливал вас перед нашим главнокомандующим, — прищурившись, заговорил Лу Да. — Ваш покорный слуга, хоть и прост в бою и далёк от пути бессмертия, кое-что смыслит в делах великих орденов. Позвольте спросить, к какому славному клану вы принадлежите? Уж не к секте ли Высшего Сокровенного или, быть может, к Секте Небесного Развития?

— Моя обитель мала и безвестна, не стоит и упоминания, — отозвался Чжоу Инь.

Он произнёс это так буднично и ровно, словно речь шла о пустяке, нимало не заботясь о том, какое впечатление произведёт его ответ.

Лу Да, уловив в его голосе равнодушие, решил уколоть побольнее:

— Что ж, полагаю, с вашими талантами вы были на особом счету у своих учителей. Однако я заметил, что у вас при себе нет даже заухдалого меча или приличного артефакта... А-а-а!

Договорить он не успел. Вскрикнув от неожиданности, офицер резко натянул поводья и отшатнулся назад.

Из широкого рукава Чжоу Иня стремительной серой молнией вылетел Чжоу Чэнь. Яростно захлопав крылышками, он нацелился острым клювом прямо в зрачок обидчика.

Бросок оказался настолько точным и молниеносным — точь-в-точь как во время охоты за лакомыми кусочками на кухне, — что выдавший виды воин растерялся. Не успевая выхватить клинок из ножен, Лу Да инстинктивно закрылся рукой.

Однако пушистый проказник проявил недюжинную ловкость. Прямо в воздухе его круглое тельце совершило немыслимый пируэт, и вместо руки он полоснул когтями Лу Да прямо по лицу.

Крохотная лапка оставила на лбу воина пять глубоких багровых борозд. Офицер скорчил яростную мину, но от этого его расцарапанная физиономия стала выглядеть лишь нелепее.

Ослеплённый стыдом и гневом, Лу Да с глухим рыком выхватил саблю, намереваясь разрубить наглуго тварь пополам.

Но Чжоу Инь действовал быстрее. Он лениво протянул руку навстречу сверкающей стали и без малейших усилий коснулся кончиком пальца самого острия.

Лу Да ощутил удар страшной силы. Отдача отозвалась в запястье резкой болью, пальцы

онемели, и рукоять оружия сама собой выскользнула из его хватки.

Клинок со звоном переломился надвое. Обломок лезвия вонзился в дорожную пыль, а верхняя половина, бешено вращаясь, взмыла в воздух и пролетела в волоске от щеки побледневшего воина.

Чжоу Инь привычным движением подхватил на лету воинственного питомца, спрятал его обратно в рукав и холодно спросил:

— Далеко ли ещё до лагеря?

Лу Да коснулся щеки. Царапина, оставленная пролетевшим осколком, жгла немилосердным огнём — куда сильнее, чем отметины от когтей зверька. Взглянув на валяющийся у ног обломок сабли, он замер от ужаса: сталь покрылась плотной коркой изморози, сквозь которую тускло просвечивала капля его собственной замерзшей крови.

Холодная дрожь пробежала по его спине. Офицер запоздало осознал: каков бы ни был ранг этого юноши, он оставался заклинателем. Пропасть между ними была глубже самой глубокой бездны, и тягаться с такими людьми простым смертным не под силу. Теперь стало ясно, почему главнокомандующий Хуэй так жаждал переманить мастера Чжоу на свою сторону и отправил встречать его лично. Своей спесью и недалёковидностью он едва не погубил важнейшее дело государственной важности.

Сбросив спесь, Лу Да низко склонил голову, его голос теперь дрожал от почтения:

— Прошу простить мою слепоту, господин Чжоу! Я не разглядел гору Тайшань перед собственным носом и позволил себе дерзость. Проявите великодушие, не держите зла на глупца. Военный лагерь уже совсем близко, мы прибудем туда через пару минут.

Пока они говорили, впереди показались очертания стоянки Армии Покорения Юга.

Раскинувшийся у подножия величавых гор Юньчжоу лагерь казался бескрайним под высоким синим небом. Бесчисленные ряды шатров строгими шеренгами окружали массивный шатер главнокомандующего. Повсюду сновали патрули в тяжёлых доспехах, изредка доносились зычные команды сотников и глухой стук тренировочного оружия, но в этом шуме не было и намёка на суету или беспорядок. Железная дисциплина и строгий порядок сквозили в каждой детали. Перед Чжоу Инем предстала непобедимая, овеянная легендами Армия Покорения Юга.